DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-1-38-46

Первый урок конституционного патриотизма, или чему Россию научил «конец истории»

ИГОРЬ НЯЗБЕЕВИЧ БАРЦИЦ, **доктор юридических наук, профессор, директор Института государственной службы и управления**
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Аннотация: В статье рассматривается понятие конституционного патриотизма, его содержание и роль в теории государственного строительства и конституционного процесса на основе анализа научных источников, практики конституционного проектирования и моделирования. Проводя эмпирическое исследование, автор использует методы сравнительного правоведения, классифицирует и интерпретирует исторические данные и, благодаря системному подходу, синтезирует выводы о значении и роли конституционного патриотизма в конституционной теории и практике. Выявлены основные отличия конституционного патриотизма от таких концептов, как гражданский патриотизм, демократический национализм и конституционный национализм, выделены ключевые приоритеты данной доктрины (постоянная открытая политическая коммуникация всех участников демократического процесса), ее основополагающие элементы (единство народного суверенитета и единство гражданской нации), а также риски и угрозы ее использования в государственно-правовой жизни Российской Федерации. На основе подробного анализа зарубежных источников, раскрывающих содержание и предназначение конституционного патриотизма, исследуются перспективы его применения в государственно-правовой доктрине Российской Федерации и за рубежом. В частности, делается вывод о том, что основной идеей при имплементации ключевых положений доктрины конституционного патриотизма в российский дискурс является его понимание исключительно в версии общенационального «российского культурного патриотизма», предполагающего укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации. Утверждается, что объединение нации на основе принципов конституционного патриотизма не происходит само по себе, конституционному патриотизму требуется учиться.
Ключевые слова: конституционный патриотизм, конституционный национализм, гражданский патриотизм, конституционная идеология, национальная идентичность

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2019 года.

Барциц И.Н. Первый урок конституционного патриотизма, или чему Россию научил «конец истории». *Государственная служба.* 2019. № 1. С. 38-46.

THE FIRST LESSON OF CONSTITUTIONAL PATRIOTISM, OR WHAT RUSSIA WAS TAUGHT BY THE 'END OF HISTORY'

IGOR N. BARTSITS, **Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Institute of Public Administration and Civil Service**
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Abstract: The article discusses the concept of constitutional patriotism, its content and role in the theory of state-building and the constitutional process based on the analysis of scientific sources, the practice of constitutional design and modeling. Conducting empirical research, the author uses the methods of comparative law, classifies and interprets historical data and, thanks to a systematic approach, synthesizes conclusions about the meaning and role of constitutional patriotism in constitutional theory and practice. The main differences of constitutional patriotism from such concepts as civil patriotism, democratic nationalism and constitutional nationalism are revealed, the key priorities of this doctrine (constant open political communication of all participants of the democratic process), its fundamental elements (unity of popular sovereignty and unity of the civic nation), as well as risks and threats of its use in the state-legal life of the Russian Federation. On the basis of a detailed analysis of foreign sources, revealing the content and purpose of constitutional patriotism, the prospects for its use in the state law doctrine of the Russian Federation and abroad are explored. In particular, it is concluded that the main idea in implementing key provisions of the doctrine of constitutional patriotism in the Russian discourse is to understand it exclusively in the version of the nationwide 'Russian cultural patriotism', which presupposes the strengthening of Russian civil identity based on the spiritual, moral and cultural values of the peoples of the Russian Federation. It is argued that the unification of the nation on the basis of the principles of constitutional patriotism does not occur by itself, constitutional patriotism is required to learn.
Keywords: constitutional patriotism, constitutional nationalism, civil patriotism, constitutional ideology, national identity

The article was received on February 1, 2019.

Bartsits I.N., The first lesson of constitutional patriotism, or what Russia was taught by the 'End of History'. *Gosudarstvennaya sluzhba.* 2019. № 1. P. 38-46. In Russian

Введение

В качестве эпиграфа рискнем предложить мизансцену из фильма Райко Грлича (2016 год) «Конституция Республики Хорватии»: готовясь к экзамену, полицейский пытается выучить основные положения документа. Универсальные правовые истины даются ему тяжело. …*Каждый человек имеет право на жизнь… Гарантируется свобода совести и вероисповедания, а также свободного и публичного выражения религиозных или иных убеждений*… и самое сложное: *Запрещается и подлежит наказанию любой призыв или подстрекательство к войне или насилию, к национальной, расовой или религиозной розни или к какой-либо иной форме нетерпимости…* (ст.ст. 1, 21, 40 Конституции Республики Хорватии).

Но именно они – эти универсальные конституционные правила и нормы – сегодня выступают объединяющими для многих стран, которые обращаются к доктрине конституционного патриотизма, родившейся в послевоенной Германии. По мнению Юргена Хабермаса, которого многие ошибочно считают отцом-основателем теории конституционного патриотизма[1], в основу национальной идентичности немцев может быть положен только конституционный патриотизм, немецкие национальные традиции не могут существовать «*без критического рассмотрения, но принимаются только в результате критического осмысления и самокритики*» [Kühnl, 1987. S. 281], «*Укорененная в убеждениях людей приверженность универсальным конституционным принципам, к сожалению, смогла сформироваться <…> лишь после – и через – Освенцим» [Kühnl, 1987. S. 50].*

Трагедия и значение Освенцима в новейшей истории немецкой нации велики настолько, что тема преступлений нацизма и его преодоления отзывается в трудах и выступлениях всех без исключения политиков Германии.

Может ли быть опыт конституционного патриотизма Германии использован другими странами? Россией, например? Что является базой современной российской демократии? Что может стать основой российского конституционного патриотизма?

Государства и народы обращаются к доктрине конституционного патриотизма при решении практических задач: приспосабливают ее к потребностям интеграции полиэтнических и мультикультурных сообществ на разных континентах (Испания, Швейцария, Малайзия, Канада и др.), востребуют ее идеи как способ ценностной и политической солидарности в сложносоставных обществах, особенно в странах, переживающих гражданское противостояние и ищущих способы выхода из него (Ливан, Босния и Герцеговина). В большинстве случаев подобное экстренное обращение приходится признать безуспешным. Причины провалов следует искать не столько в недостатках самой доктрины, сколько в том, что ее конструкции могут быть успешно использованы в качестве несущих только в обществах, подготовленных к восприятию ее общих постулатов: уважительное отношение к государственным институтам и признание приоритета права при регулировании всех и всяческих обстоятельств; критическое осмысление истории и прав человека, а самое важное – общее (преобладающее) понимание значимости общих ценностей и правил.

Это заключение приводит нас к пониманию необходимости постоянно познавать демократию.

«Обучающийся суверен»: конституционному патриотизму следует учиться

Один из ключевых приоритетов доктрины конституционного патриотизма – постоянная открытая политическая коммуникация всех участников демократического процесса. Только при постоянном осмыслении и дискуссии о том, как должны развиваться государство и общество, как они могут реагировать на новые вызовы, какие достижения и ценности должны находиться под конституционной защитой, а каким предстоит быть трансформированными, возможно говорить о развитии демократии.

Ограничение политической коммуникации чревато, но и сама политическая коммуникация должна вестись по определенным обществом правилам. Этим правилам также надлежит учиться. Суверен – народ (составляющие его граждане) призван осваивать основополагающие конституционные принципы не только и не столько в теории, сколько в правовой и политической практике.

Существуют вопросы, которые выведены из принципа всевластия суверена, под которым в данном случае понимается народ. Народ как суверен ограничен в своем праве! Имеющиеся ограничения – результат исторического опыта, если угодно, вынесенные этим народом исторические уроки. Подобные положения об обязанностях народа и ограничениях народного суверенитета есть в конституциях Японии, Греции, Румынии. Среди примеров исторических уроков – запрет на пересмотр республиканской формы правления во Франции и Италии, конституционное право на «демократическую оппозицию» в Португалии.

Как показывает история конституционного права, есть некие положения, которые определяются раз и навсегда и не подлежат пересмотру даже по желанию и волеизъявлению народа.

Концепция неограниченного народного суверенитета в советских конституциях нашла крайне опасное выражение в ст. 108 Конституции СССР:

1 Сам Ю. Хабермас благородно и вполне обоснованно отдает авторство понятия «конституционный патриотизм» (Verfassungspatriotismus) двум своим соотечественникам – Карлу Ясперсу (1883-1969) и Дольфу Штернбергеру (1907-1989).

Высшим органом государственной власти СССР является Съезд народных депутатов СССР. Съезд народных депутатов СССР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Союза ССР;

и в ст. 104 Конституции РСФСР:

Высшим органом государственной власти РСФСР является Съезд народных депутатов РСФСР. Съезд народных депутатов РСФСР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР.

Следуя логике отсутствия каких-либо ограничений, I Съезд народных депутатов РСФСР (1 мая – 22 июня 1990 года) принимает 12 июня 1990 года Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, тем самым вынимая краеугольный камень из фундамента союзной государственности[2].

Во многом в противовес конституционному патриотизму в западной научной литературе как уничижительное описание истерического патриотизма, когда истина, справедливость, равенство приносятся в жертву национальным интересам и соображениям национальной безопасности, встречается термин «religious patriotism», то есть патриотизм в его экзальтированной крайности, превращенный в подобие религиозного чувства.

Конституционный патриотизм не как доктрина, а как чувство сопричастности (солидарности) граждан формируется и воспитывается. Ему (этому чувству) надо учиться, в том числе в школе. Но, к сожалению, не только в школе. Трудность объединения на основе общих ценностей подтверждается многочисленными примерами из истории революций, жизнеописаний выдающихся личностей и судеб политических движений.

Три навыка культуры политической дискуссии

В рамках курса обучения конституционному патриотизму вполне могут быть востребованы уроки, которые предлагаются при обучении другой доктрине – демократическому (либеральному) национализму. Основу доктрины составляет доверие между членами общества, и следующая из этого доверия «готовность проигрывать», «a willingness to lose» в терминологии Дэвида Миллера [Miller, 1995. P. 96–97]. Следует говорить о формировании в обществе культуры политической дискуссии, демократических процедур ведения политического спора, преодоления кризисов – в терминологии Якоба Буркхардта (Jacob Burckhardt) «агональной» демократии[3] [Burckhardt, 1898–1902].

Современная культура политической дискуссии предполагает обучение трем практическим навыкам:

а) готовности к признанию поражения;

б) к социальному обучению;

в) к примирению с историей.

Готовность признать поражение – неотъемлемая часть демократической политической коммуникации, находящая символическое выражение в традиции, что именно проигравшему в ходе выборов принадлежит преимущественное право первым поздравить победителя.

Особенно тяжело признать поражение, обусловленное особенностями избирательной системы[4], или же при минимальном соотношении голосов «за» и «против»[5]. Беспрекословное следование логике мажоритарной демократии «победитель получает все» основывается на доверии, что политический процесс ведется честно, что при смене победителей и

2 Декларация 12 июня 1990 года, определив суверенитет как «естественное и необходимое условие существования государственности России» (ст. 2), в качестве политических, экономических и правовых гарантий суверенитета России закрепила полноту власти РСФСР и верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории России, а также приостановила действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами России (п. 2 ст. 5 Декларации).

3 Термин «агональный», восходящий к древнегреческому понятию «агон» – спор, борьба, состязание, Я. Буркхардт использовал в работе «История греческой культуры», опубликованной уже после его смерти.

4 Электоральная история США знает пять случаев, когда президентом Соединенных Штатов становился кандидат, получивший меньше голосов, чем его конкурент. В 2000 году победа Дж. Бушу-младшему была присуждена после многочисленных пересчетов и судебных заседаний, ключевое значение имело голосование в штате Флорида, первый подсчет голосов в котором дал Бушу преимущество чуть более одной тысячи голосов, пересчеты голосов были прекращены решением Верховного суда США вечером 12 декабря 2000 года (за решение проголосовали пять судей, четверо выступили против). 13 декабря А. Гор признал свое поражение словами «Это Америка, и мы ставим страну впереди партии». Затем Гору представилась возможность еще раз проявить свою государственную мудрость: именно ему как вице-президенту США довелось председательствовать на заседании объединенной сессии Конгресса по утверждению итогов выборов, и именно он отклонял возражения членов Палаты представителей, которые возражали против итогов выборов. В 2018 г. ситуация развивалась менее драматически, хотя Д. Трамп и стал президентом США, проиграв Х. Клинтон 2,9 млн голосов избирателей.

5 Например, второй референдум о независимости Квебека (30 октября 1995 года) дал следующие результаты: 50,58 % (2 362 648 человек) проголосовавших высказалось против отделения Квебека от Канадской Федерации и 49,42 % (2 308 360 человек) высказалось за отделение и создание суверенного государства. Решение о выходе Великобритании из Европейского союза было принято на референдуме 23 июня 2016 г. большинством в 51,89 %. Вряд ли голосовавшие за Brexit выступили против единства конституционных политических ценностей этой страны и других стран ЕС. Географический анализ выбора жителей Соединенного королевства позволил указать в качестве причины Brexit феномен «сельского национализма».

побежденных другая сторона будет продолжать следовать тем же правилам. Другим важным условием следования требованиям мажоритарной демократии является относительная однородность сообществ: при понимании, что сообщество состоит из однородных в культурном плане единиц, признать поражение намного проще.

Именно доверие и относительная однородность сообществ к демократическим процедурам лежит в основе «готовности к проигрышу».

В сложных сообществах следование принципам мажоритарной демократии затруднено, что побуждает практиков и теоретиков политических процессов формировать несравненно более сложные конструкции «концессуальной демократии» [Салмин, 1997].

Готовность к социальному обучению – понимание, что не только конкретный гражданин, институт гражданского общества, политическая партия, государственный орган, но и народ как суверен, должны быть открыты к изучению новых технологий, в том числе информационных, новых демократических процедур, обогащению и трансформации своих воззрений и традиций. Именно подобная готовность к социальному обучению обеспечивает открытую политическую коммуникацию между всеми участниками политического процесса.

Готовность примириться с историей. Некоторым нациям «повезло», и свои уроки они получили относительно «малой кровью»: американцы – в ходе Войны Севера и Юга, французы, наблюдая за чередой голов роялистов, якобинцев, жирондистов, поочередно слетавших с гильотины на «публичном месте именем французского народа» (фр. *il aura la tête tranchée sur une place publique au nom du peuple français*) на площади Революции (ныне площадь Согласия). При всей кровавости[6] французской истории французам удалось органично совместить в своей политической культуре и сделать предметом национальной гордости и представителей монархии, и тех, кто их свергал, и тех, кто затем монархию реставрировал, и тех, кто после последнего французского императора Наполеона III возрождал республику.

Другим народам прививку конституционного патриотизма пришлось оплатить ценой национального унижения и государственного разрушения: для единой немецкой нации уроком истории стали Третий рейх и Освенцим, для разделенной российской – коммунизм/сталинизм (ГУЛАГ) и до сих переживаемая катастрофа разрушения страны в 1991 году. Кровавое соревнование жертв, отданных за единство ценностей, с явным преимуществом выиграли советские большевики, начав выяснение вопроса о преданности ценностям партии сначала среди лидеров левой оппозиции (Троцкий, Зиновьев), затем правой (Бухарин, Рыков, Томский), впоследствии завершив борьбу за единые ценности массовыми репрессиями рядовых однопартийцев и «большим террором».

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 года Президент Российской Федерации Владимир Путин произнес ключевую фразу в оценке гражданами России события начала 1990-х:

«…крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. Для российского же народа оно стало настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию[7]».

Принципы и ценности единения нации

Эту позицию нещадно критикуют за пределами России те[8], кто увидел в этом событии ни много ни мало конец истории. Если опубликованная в 1989 году в журнале «National Interest» статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?» [Фукуяма, 1990. С. 84–118] в своем названии предполагала присутствие вопросительного знака:

«Наблюдаемое ныне – это, возможно, не просто окончание холодной войны или завершение какого-то периода всемирной истории, но конец истории

6 Общеупотребимым стал ложный посыл о некой исключительной кровавости российской истории. Преступления сталинского режима, массовые репрессии, ужасы Гражданской войны, более 27 млн жертв в Великой Отечественной войне – такова характеристика XX в. в российской истории. Но при всей сложности и жертвенности дореволюционной истории нельзя не признать, что действительно Иван IV с эпитетом «Грозный» казнил не один десяток тысяч человек, а из шести приписываемых ему жен убил «лишь» одну и двух постриг в монахини. В это же время в Англии Генрих VIII казнил двух из своих шести жен, с парой других развелся. А его наследница Елизавета I только по статье «бродяжничество» казнила более 80 тыс. своих подданных. Николай I с придуманным А.И. Герценом прозвищем Палкин, подавляя восстание декабристов, отправил на виселицу пятерых (!) мятежников, сослал на каторгу и на поселение в Сибирь 120 человек. Чуть ранее в ходе Французской революции только посредством гильотины было казнено более 18 000 человек. Однако, на наш взгляд, трагедии и потери, пережитые различными нациями в ходе исторического развития, не должны и не могут быть подвергнуты простому арифметическому сравнению.

7 http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931

8 Обращаясь к критикам такой оценки разрушения СССР гражданами страны, следует рекомендовать им спроецировать подобный ход истории на свои страны. Интересно, как бы отреагировали американцы на распад США на 50 самостоятельных государств или немцы на выход Баварии из состава ФРГ? Думается, немало людей в мире сочли бы «освобождение» Техаса и Калифорнии от имперской удавки администрации Вашингтона весьма справедливым и правильным событием. Но и это не стало бы концом истории.

как таковой; иначе говоря, это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе», – выпущенная уже после разрушения СССР, в 1992 году, книга была свободна от всяких вопросов, в самом названии безапелляционно утверждая «Конец истории и последний человек» (*The End of History and the Last Man*).

К удивлению всего мира, России удалось пережить этот конец истории. Но перед страной встала задача поиска новой национальной идентичности, национальной идеи, государственного лица.

В 1613 году конец смутному времени положила дружина Кузьмы Минина и князя Пожарского, в 1993 году это удалось Конституции Российской Федерации.

Итак, ответим на один из поставленных вопросов: самая трагичная основа для демократии у России – разрушение страны в 1991 году. И то, что нам очень трудно примириться со своей историей. Нам еще только предстоит ответить на вопрос: что нас делает единой нацией? Объединяют ли нас содержащиеся в Конституции 1993 года принципы и ценности?

У польских историков, общественного мнения этой страны декларирование 4 ноября в качестве главного государственного праздника России вызывает исключительно негативные эмоции. В российском обществе также нет единства в оценке причин, опасностей и последствий преодоления Смутного времени. Признавая, что в то время шла конкуренция между Русью и Речью Посполитой за лидерство в регионе, вряд ли в феодальной победе над поляками современная Россия видит что-то существенное для становления государственности. Также вряд ли основу государственной идентичности можно найти в утверждении в 1613 году в ходе преодоления Смутного времени на русском престоле династии Романовых. Что же тогда является главным для России в исторических событиях осени 1612 года?

Важнейшим является не этническая характеристика захватчиков, не воцарение представителя русского боярского рода на престоле, а тот факт, что в условиях иноземного нашествия, предательства элиты произошло объединение различных слоев русского общества (посадских людей – земский староста Кузьма Минин, знати – князь Пожарский, церкви – позиция патриарха Гермогена и проповедь протопопа Саввы с призывом не допустить оккупации католиками и униатами) для защиты своей национальной государственности. Лозунгами народного ополчения не стали требования свободы, равенства, братства, освобождения от крепостничества, соблюдения прав посадских людей и т.п. В качестве базисной для последующего государственного строительства выступила идея защиты от иностранного вмешательства, сохранения государственной самостоятельности. Эта идея и будет сопровождать всю историю России.

Единство народного суверенитета и единство гражданской нации – основополагающие элементы конституционного патриотизма.

Имплементация доктрины в российский дискурс

При этом рассмотрение конституционного патриотизма, как безусловно либеральной правовой и философской доктрины, не исключает анализа возможных рисков и угроз ее применения в российской государственно-правовой жизни. Среди очевидных рисков выделим наиболее возможные: 1) конституционный патриотизм может выступить прикрытием объявления неизменным соотношения политических сил, сложившегося на дату принятия текста Конституции, и неизменности Конституции в целом; 2) гипертрофирование конституционного патриотизма; 3) конституционный патриотизм может вступить в противоречие с требованиями соблюдения приоритета международного права.

Каждый из трех рассмотренных вызовов со стороны концепции конституционного патриотизма для российской конституционно-правовой доктрины не является критичным. Более того, сама Конституция Российской Федерации 1993 года содержит механизмы, которые сводят возможные негативные последствия восприятия конституционного патриотизма к минимуму. Причем конституционному патриотизму даже не угрожает отсутствие идейного (идеологического) согласия. Как пишет Дэниэл Саттер, «конституционный консенсус вряд ли умрет в отсутствие идеологического консенсуса» [Sutter, 1998. P. 323], поэтому конституционный консенсус, определяющий уклад жизни государства и общества, основан на конституционной идеологии, которую никак нельзя сводить к простому математическому сложению или простому перемешиванию кусочков различных политических идеологий. Идеология конституционного патриотизма, возможно, заимствуя от политических идеологий какие-то элементы, обладает совершенно иной природой и, главное, самодостаточностью. Наконец, исходя из учредительного характера Конституции Российской Федерации, вполне обоснованно позиционировать конституционный патриотизм в качестве фундамента конституционного консенсуса – основы и критерия легитимности власти.

Исключительно важным в понимании конституционного патриотизма предполагается размышление: исключает ли следование данной концепции регулярный пересмотр конституционных подходов и взглядов? Не чревато ли следование принципам конституционного патриотизма кон-

сервацией существующего конституционно-правового режима?[9]

Конституция не только и не столько правовой акт, ее идеи – предмет изучения экономики, общественных наук, политологии, социологии. Конституция России 1993 года предстает как документ, определяющий перспективу развития национальной идентичности, которая не исключает опасности гипертрофирования конституционного патриотизма. Ю. Хабермас указывает: «*Разросшаяся до уровня национальной культуры культура большинства должна выделиться из своего исторически обусловленного сплава с всеобщей политической культурой, если все граждане страны должны иметь возможность идентифицировать-ся с политической культурой собственной страны в равной степени. По мере успешного осуществления этого процесса отрыва политической культуры от культуры большинства солидарность граждан перестраивается на абстрактной основе конституционного патриотизма*» [Хабермас, 2003. С. 119].

В России «разрастание культуры большинства» чревато ростом национализма как великодержавного, так и окраинного. В.С. Соловьев выделял *«внутреннее между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше»* [Соловьев, 1989. С. 444].

Отраженный в Конституции Российской Федерации 1993 года выбор России в пользу доктрины конституционного патриотизма, а не конституционного национализма, является одним из расхожих оснований объявления «родовым пороком» отсутствия в тексте Основного закона упоминания государствообразующей роли русского народа.

Подобные сетования восходят к преобладающему в советской и постсоветской научной литературе пониманию нации как основанной прежде всего на этническом признаке общности, выраженном в категории «национальность». Представляя кальку с английского «nationality», что означает «гражданство» (подданство), в советском и российском праве эта категория характеризовала этническую принадлежность.

С начала 1990-х годов в России на смену пониманию нации как этнической общности, укоренившемуся в советской политической литературе, приходит европейская концепция нации как гражданской общности, как объединения всех граждан государства. Все более широкое распространение получают термины, в которых «национальное» и «государственное» выступают синонимами: «национальные интересы», «национальная безопасность», «национальное телевидение», «национальная сборная».

В отношении понятия «национальность» сохраняется его этническое содержание с пояснением, что в демократическом государстве оно употребляется в культурологическом и философском контекстах, но не предусматривает никаких правовых, политических последствий, привилегий или ограничений. При гарантированности равенства граждан независимо от национальности, языка, запрещении любых форм ограничения прав граждан по признакам расовой или национальной принадлежности (ст. 19 Конституции), при стремлении к ликвидации абсолютно неправомерных льгот и ограничений по национальному признаку категория «национальность» должна потерять практическую значимость в праве и управлении.

В России утверждение концепции конституционного патриотизма непременно будет сопрово-

---

9 При анализе в современных условиях конституционных принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления неизбежно возникает вопрос: нужны ли России конституционные преобразования или все дело в механизмах реализации ее потенциала? Небезынтересны данные опроса ВЦИОМ, проведенного в начале декабря 2012 г., за год до 20-летия принятия Основного закона страны. Так, всего лишь 18% респондентов сочли свое знание Конституции хорошим, 59% лично документ не читали, но имеют общее представление о его положениях, 22% не представляют себе содержания Конституции. В то же время 45% респондентов заявили, что нынешняя Конституция нуждается в совершенствовании, внесении в нее существенных изменений и дополнений.

Мероприятия в честь 20-летнего юбилея Конституции были небесполезны, и ВЦИОМ зафиксировал к декабрю 2013 г. рост информированности граждан о содержании Конституции до 58 пунктов. Но уже при аналогичном опросе 2016 г. индекс информированности о содержании Конституции снизился до 46 пунктов, ниже показателей 2009 г. (49 пунктов):

С Основным законом государства в целом знакомо большинство граждан (72%), однако 64% имеют только общее представление о его основных положениях. Доля россиян, хорошо знакомых с Конституцией, составляет 8% в среднем по выборке (13% среди москвичей и петербуржцев, 14% среди высокообразованных).

Мнения россиян по вопросу значимости Конституции в масштабах страны разделились: 34% респондентов сказали, что документ крайне важен для жизни общества, 32% – что его роль незначительна и 27% – что все положения Конституции являются лишь формальностью, а в реальности не исполняются.

При этом многие участники опроса отмечают важность прав и свобод, провозглашенных Конституцией. Первые строчки в рейтинге актуальных прав и свобод заняли охрана здоровья (51%), право на жилище (46%), право на жизнь (46% – с 61% в 2009 г.). Отмечается существенный рост значимости права на образование: за семь лет с 30% до 44%. Наиболее часто нарушаемыми правами Конституции россияне считают право на охрану здоровья (34%), труд (30%), жилище (29%), *социальное обеспечение (28%), защиту прав и свобод (26%).* https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115994

ждаться дискуссиями о роли этнического в общегосударственном национальном самосознании. При этом сложности возможны как при включении принципов конституционного патриотизма в общественный дискурс в субъектах Российской Федерации, выделенных по этническому признаку, так и в контексте возможных обвинений в посягательстве на исключительное положение этнически русского населения. Предстоит обосновать, не угрожает ли доктрина конституционного патриотизма, как объединения граждан страны на конституционных принципах, традициям и добродетелям, которые национально ориентированными авторами приписываются только и исключительно одному или группе этносов.

Стремление возвести в «национальные» моральные ценности (гостеприимство, уважение к старшим, любовь к детям, милосердие, различные национальные версии понятия «совесть»)[10] свойственно преимущественно бедным государствам, в общественное сознание населения которых внедряется вполне объяснимый компенсаторный концепт: «возможно, у нас нет демократии и мы бедные, зато мы любим своих детей и уважаем старших». Происходит попытка за счет превознесения неочевидных исторических и нравственных достижений компенсировать современный неприглядный уровень жизни.

Богатые государства внедряют в общественный дискурс идею своей исключительности на иных основаниях: это понятия «мягкая сила», «культурное превосходство», «государственная исключительность», «моральное право на применение силы в целях продвижения демократии» и т.п.[11] Это не просто достойно сожаления, но и чрезвычайно опасно для мира в отличие от вызывающих улыбку потуг бедных стран, носящих преимущественно компенсаторный характер.

Исходным для имплементации основных положений доктрины конституционного патриотизма в российский дискурс является понимание, что в России конституционный патриотизм не может носить «национального» (этнического) характера. Это с неизбежностью общенациональный конституционный патриотизм, предполагающий утверждение общих взглядов и ценностей.

…«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» («Поэт и гражданин», 1856) – Николай Некрасов вкладывал в понятие «гражданин» совершенно иное, объединяющее содержание, а не то, которое нашло свое закрепление в Законе «О гражданстве Российской Федерации» в редакции 2002 года. Речь не о наличии одинаковых паспортов в карманах. Это русский язык и русская культура, в которую вошли культуры многих этносов страны, это история и традиции, в конце концов, это тысячелетняя государственная традиция, набор ценностей и образ жизни. Нюанс различий «русский» и «российский» – это внутренняя дискуссия, непереводимая ни на один из языков мира.

Согласно Европейской конвенции о гражданстве 1997 года, «гражданство» означает устойчивую правовую связь между отдельным лицом и государством и не указывает на этническое происхождение этого лица. Особенно важно это признание для России – страны полиэтнической, многоконфессиональной. Мы привыкли рассматривать пестроту этнической картины России, ее многоконфессиональность как благо, богатство, преимущество. С этим трудно спорить. Но нельзя не понимать, что эти факторы значительно осложняют управление и выработку оптимальной культурной государственной политики, значительно повышают ответственность власти за принимаемые решения.

Главный союзник России – история ее государственности. При всех сложностях расширения территориальных пределов Российского государства (не будем лукавить, храм Василия Блаженного на Красной площади построен не в ознаменование подписания договора о распределении полномочий и предметов ведения между феодальными Москвой и Казанью), Россия никогда не знала межнациональных и религиозных войн. Терпимость, если угодно, толерантность были свойственны народам России не столько по доброте душевной, сколько как подсознательное ощущение, что иное ведет к войне и гибели государства. Есть у России и негативный опыт: отход от принципа единства в начале XX века, формальным выражением которого стал Союзный договор 1922 года, который неминуемо привел к розни, взаимным упрекам и в итоге к разрушению государства 70 лет спустя.

Единство возможно только при наличии скрепляющего все это многообразие стержня. И этот

---

10 В проекте Основ государственной культурной политики утверждались в качестве «традиционных для нашей страны нравственные ценности»: «…честность, правдивость, законопослушание, любовь к Родине, бескорыстие, неприятие насилия, воровства, клеветы и зависти, семейные ценности, целомудрие, добросердечие и милосердие, верность слову, почитание старших, уважение честного труда» (Российская газета. 2014. 16 мая). В окончательный документ «Основы государственной культурной политики» (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808) эти постулаты не вошли.

11 «Последняя и лучшая надежда человечества» (А. Линкольн), «лидер свободного мира», «незаменимая страна» (М. Олбрайт, Х. Клинтон), «исключительная страна» (Б. Обама), «империя свободы» (Т. Джефферсон), «сверкающий град на горе» (Р. Рейган), «величайший дар из всех, что мир получил за много столетий, а то и за всю историю» (М. Хирш) – в таких эпитетах обыгрывается мировоззрение национальной американской исключительности (англ. american exceptionalism). «Отрицание американской исключительности означает по сути отрицание сердца и души этого народа» (М. Хакаби).

стержень не в чистоте крови, а в психологической совместимости.

Другим конституционно-правовым феноменом, который нуждается в расстановке четких акцентов, является трактовка российской гражданской нации. Упрощая, можно сказать, что речь идет о поиске компромисса между «русской нацией» и «российской нацией». Конституционный патриотизм в России невозможен в версии «русского национального конституционного патриотизма», а только и исключительно в версии «российского культурного патриотизма».

Подобный подход нашел нормативное закрепление в Указе Президента Российской Федерации В.В. Путина от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: при разработке национальной программы в сфере культуры Правительству поручено «обратить особое внимание на необходимость… укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации».

Послесловие. «Не слишком ли хороши устремления конституционного патриотизма, чтобы быть правдой?»[12]

В репертуар Поля Робсона (Paul Robeson) вошли две песни, схожие по политической тональности и ссылкам на основные законы двух стран: советская «Широка страна моя родная»[13] и американская "The House I Live In"[14]. Родство их посылов и пафоса демонстрирует схожесть таких разных государств и наций в двух (применительно к рассматриваемому вопросу) аспектах.

Во-первых, как уже отмечалось, в основу формирования американской нации в силу ее исторической молодости и возможности начать историю на новом месте с чистого листа не были положены признаки единства истории, языка, культуры, религии, о которых шла речь при рассмотрении понятия «культурная нация» (нация через единство культуры). Эти обстоятельства предопределили выбор, который был сделан в пользу позиционирования ценностного единства как основы формирования новой нации. Концентратом набора ценностей выступила американская Конституция.

Советская власть также предприняла попытку отказаться от истории, начать с чистого листа, но что в таком случае должно было объединить неподсчитанные этносы, сформировавшие союзные и автономные республики, число которых регулярно менялось? Безусловно, коммунистическая идеология, но до победы коммунизма и отмирания государства советскому человеку придется жить в государстве, основным законом которого опять же является Конституция, советская Конституция.

Во-вторых, очевидна близость политических задач, стоявших перед советскими и американскими деятелями культуры в 1930–1940-х годах. Каждая сторона идеологического противостояния, впоследствии плавно перешедшего в холодную войну, стремилась не только к экономическому, военному, политическому превосходству, но и к представлению человечеству формата образа жизни, включающего некие перечни ценностного, потребительского, культурного свойства. Словосочетания «советский образ жизни», «американский образ жизни» превратились в устойчивые политологические понятия. Культура патриотизма (как воспитание любви к родине) в обеих странах превратилась в идеологию патриотизма, которая и сформировала целые пласты национальных культур, включавшие и проходные низкопробные произведения, и произведения высочайшего уровня, что не отменяет их прикладного политического звучания.

И американская, и советская идеологии патриотизма предполагали не просто лояльность, но и верность, желательно как можно более наглядно демонстрируемую, тем ценностям, которые были положены в их основу. Преследование инакомыслящих в СССР и маккартизм в США основывались на одинаковых страхах и подозрениях в недостаточной верности граждан проповедуемым на государственном уровне ценностям, без которых им отказывали в признании патриотами, тем самым наглядно подтверждая истинность позиции Б. Яка [Як, 2017. С. 74]:

Похоже, что сосредоточение на политических принципах, как основе коллективной верности, может сделать нас более, а не менее подозрительными по отношению друг к другу… Если единственная причина, почему мы доверяем друг другу, – это приверженность определенным политическим принципам, то выявление подлинности или неподлинности выбора друг друга будет заботить нас гораздо больше, чем сейчас[15].

Противостояние советского и американского образов жизни завершилось безоговорочной победой заокеанской версии. Предопределенность

12 Are constitutional patriotism's aspirations too good to be true? Breda V. Constitutional Patriotism: A Reasonable Theory of Radical Democracy? // Selected Works. Retrieved 6. November 2014. P.14.

13 Стихи «Песня о Родине» были написаны В. Лебедевым-Кумачом в 1935 г., после принятия Конституции СССР 1936 г. Текст был дополнен куплетом с упоминанием «Всенародного сталинского закона». В 1950-е гг. куплет перестал исполняться.

14 Текст песни "The House I Live In" имеет несколько версий: первая прозвучала в одноименном фильме 1945 г. в исполнении Ф. Синатры, версия в исполнении П. Робсона на слова А. Льюиса записана на студии Columbia Records в 1947 г.

15 *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества / пер с англ. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2017. С. 74.

исторического поражения Советского Союза стала очевидной не тогда, когда в середине 1980-х годов страна не могла более обеспечивать военно-экономический паритет с Западом, а многим ранее, в середине 60-х, когда Россия – СССР перестала поставлять на мировой культурный рынок символы и легенды. Набивший оскомину перечень из балета, цирка и космоса тем не менее обеспечивал культурный фон утверждения страны в качестве великой державы. Если американцы и выиграли холодную войну, то не ядерными ракетами, а кока-колой и «массовой культурой». И сегодня государство, претендующее на роль мировой державы, обязано предоставить миру свое видение культурной, ценностной перспективы, пусть спорное и далеко не общепризнанное.

Коммунистическая идеология в развитых странах перешла в разряд политического андеграунда. Напротив, ценностный (конституционный) патриотизм предстает в виде перспективного и применимого к различным государственным сообществам концепта.

При этом исключительно желательно избежать перерождения доктрины конституционного патриотизма в идеологию. Практической реализацией подобного перерождения неизменно станут доносы на соседей и сослуживцев, которые в понимании их авторов недостаточно преданы конституционным ценностям и не столь яростно им следуют. Не начнется ли соревнование в стиле выдержки из статьи В.Г. Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе» (1834) [Белинский, 1988], ставшей широко известной после прочтения в качестве монолога Татьяной Дорониной в фильме «Старшая сестра» (1966)?!

Например, так: *«Конституция!.. (Подчеркивание мое, в оригинале вместо слов «конституция» речь идет о театре. – Прим. авт.) Любите ли вы конституцию так, как я люблю ее, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить конституцию больше всего на свете, кроме блага и истины? И в самом деле, не сосредоточиваются ли в ней все чары, все обаяния, все обольщения изящных искусств? Не есть ли она исключительно самовластный властелин наших чувств, готовый во всякое время и при всяких обстоятельствах возбуждать и волновать их, как воздымает ураган песчаные метели в безбрежных степях Аравии?..»*

Литература

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988.

Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления М.: Ad Marginem, 1997. Серия «Библиотека МШПИ». Вып. 8.

Соловьев В.С. Соч.: в 2 томах. М., 1989.

Фукуяма Ф. Конец истории? *Вопросы философии.* 1990. № 3. С. 84–118.

Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии. *Логос.* 2003. № 5 (39).

Як Б. Национализм и моральная психология сообщества / пер с англ. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2017.

Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. Bd 1-4. Berlin/Stuttgart, 1898–1902.

Kühnl R. Vergangenheit, die nicht vergeht. Die Historiker-Debatte Dokumentation, Darstellung und Kritik. Kln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1987.

Miller D. On Nationality. Oxford: Clarendon Press. 1995.

Sutter D. Calculation of Self-Interest and Constitutional. Consensus: The Role of Ideology. *Constitutional Political Economy.* 1998. № 9.

References

Belinskij, V. G., A look at Russian literature. M.: Sovremennik, 1988. In Russian

Burckhardt, J., Griechische Kulturgeschichte. Bd 1-4. Berlin/Stuttgart, 1898-1902. In German

Fukuyama, F., The end of the story? *Voprosy filosofii*. 1990. № 3. P. 84-118. In Russian

Habermas, Y., Post-national constellation and the future of democracy. *Logos*. 2003. № 5 (39). P. 119. In Russian

Kühnl, R., Vergangenheit, die nicht vergeht. Die Historiker-Debatte Dokumentation, Darstellung und Kritik. Kln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1987. In German

Miller, D., On Nationality. Oxford: Clarendon Press. 1995. In English

Salmin, A. M., Modern democracy: essays on formation. M.: Ad Marginem, 1997. Series 'Biblioteka MSHPI'. Issue 8. In Russian

Soloviov, V. S., Works in 2 volumes. M., 1989. In Russian

Sutter, D., Calculation of Self-Interest and Constitutional. Consensus: The Role of Ideology. *Constitutional Political Economy.* 1998. № 9. In English

Yak, B., Nationalism and the moral psychology of community / translated from English. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2017. In Russian